

Раздел II

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Р. В. СВЕТЛОВ, А. В. ЦЫБ

ПРОБЛЕМА «ДВУХ ОРИГЕНОВ»¹

Ориген, автор первой христианской «Суммы» — скандально знаменитого (благодаря переводу Руфина на латинский язык) сочинения «О началах», — довольно загадочная фигура. Мы не знаем, насколько его можно считать последователем Климента Александрийского, традиционно считающегося предшественником Оригена по александрийской теологической школе. Не до конца известна нам и история его жизни, в частности география поездок после того, как Ориген в 231 г. покинул Александрию.

Но более всего сложностей возникает с изучением философских предпосылок учения Оригена. Один из специфических поворотов в изучении наследия Оригена — спор о том, сколько мыслителей, живших в первой половине III столетия носили это имя, и не сливаются перед нами в одну фигуру две: Ориген-христианин и Ориген-платоник? Мысль о том, что Оригенов было двое, стала приходить в голову исследователям еще в конце XIX в. После выхода в 1962 г. в Мюнхене книги К. О. Вебера «Ориген-неоплатоник» (*Weber K. O. Origenes der Neuplatoniker. München, 1962*) эта дискуссия возобновилась.

Несомненно, что от количества Оригенов зависит интерпретация как предпосылок учения, изложенного в «О Началах», так и характер многих его моментов. Если Оригенов было два, то не могли ли многие из доктрин, которые мы традиционно считаем

---

¹ Статья написана по материалам дискуссии, проходившей 22 августа 2004 г. во время заседаний III летней молодежной школы Платонополис. Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 04-06-80366.

© Р. В. Светлов, А. В. Цыб, 2008

результатом платонического влияния, возникнуть в контексте собственно христианского дискурса? Быть может, например, учение о Божестве как мыслящем духе или субординационная трактовка тринитарной проблемы есть результат влияния совсем не платонизма, а стоицизма, смешанного с аристотелизмом? Или, более того, это всего лишь ответ на происходившую примерно в то же время в Римской церкви полемику вокруг учений монархиан-динамистов?

Обсуждение проблемы «двух Оригенов» мы предполагаем провести в форме дискуссии. Точку зрения, базирующуюся на позиции К. О. Вебера, хотя и уточняющей ее, будет представлять А. В. Цыб. Р. В. Светлов попытается выдвинуть аргументы в пользу более традиционного представления об одном Оригене.

А. В. Цыб

Предлагаю для начала ознакомиться с фрагментами и свидетельствами об Оригене, которые можно отнести к Оригену-платоннику, а затем сформулировать основные аргументы в пользу его существования.

Фрагмент 1

Лонгин у Порфирия. ЖИЗНЬ ПЛОТИНА, 20, 25 слл. с. 27
Henry/Swyzer:

«Одни из них старались излагать свои взгляды в сочинениях, надеясь оставить их на пользу потомкам, а другие довольствовались тем, что предоставляли ученикам подводить желающих к пониманию их взглядов <...> Ко второму роду принадлежали: платоники Аммоний и Ориген, с которыми провел я много времени и которые очень сильно возвышались над своими современниками, а затем преемники по Афинской академии Феодот и Евбул. Кое-что писали и они, например, Ориген — “О демонах”, Евбул — “О Филебе, Горгии и аристотелевских возражениях на платоновское Государство”, но этого недостаточно, чтобы причислить их к тем, кто вырабатывали свое учение письменно, потому что занимались они этим лишь мимоходом и писательская забота была у них не главной» (пер. М. А. Гаспарова)².

---

² За исключением указанных, все переводы фрагментов «Оригена-платонника» принадлежат А. В. Петрову.

Фрагмент 2

Порфирий. ЖИЗНЬ ПЛОТИНА, 3, 24 слл. с. 4 Henry/Swyzer:

«С Гереннием и Оригеном Плотин заключил уговор никому не раскрывать тех учений Аммония, которые тот им поведал в сокровенных своих уроках; и Плотин оставался верен уговору: хотя он и занимался с теми, кто к нему приходил, но учения Аммония хранил в молчании. Первым уговор их нарушил Геренний, за Гереннием последовал Ориген, написавший, правда, только одно сочинение “О демонах”, да потом при императоре Галлиене книгу “О том, что царь есть единственный творец”. Но Плотин еще долго ничего не хотел записывать, а услышанное от Аммония вставлял лишь в устные беседы. Так он прожил целых десять лет: занятия вел, но ничего не писал» (пер. М. А. Гаспарова).

Фрагмент 3

Порфирий. ЖИЗНЬ ПЛОТИНА, 14, 20 слл. с. 20 Henry/Swyzer:

«А когда к нему (Плотину) на занятия пришел Ориген, то он весь покраснел и хотел тотчас же встать с места; Ориген просил его продолжать, но он ответил, что когда говоришь перед тем, кто заранее знает, что ты скажешь, то надо скорее кончать; и сказав еще несколько слов, закончил занятие» (пер. М. А. Гаспарова).

Фрагмент 4

Евнаний. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ, 4, 2, 1 сл., с. 9, стрж. 4 слл. Giengrande; 457 ed. Wright:

«В число его (Аммония) учеников входили, как он сам о том пишет, многие знаменитые люди: Ориген, Америй и Аквилин. Их сочинения сохранились, но из речей — ни одна. Хотя их учения прекрасны, стиль их сочинений незамысловат, и то же относится к речам. И все же Порфирий хвалит этих мужей за их красноречие, хотя сам он превосходил всех изяществом своих речей и один явил миру своего учителя и создал ему славу, поскольку не пренебрегал никаким видом образованности» (пер. Е. В. Дарк и М. А. Хорькова)

Фрагмент 5

Фотий. БИБЛИОТЕКА, кодекс 214, с. 173a5 слл. Bekker:

«Семь книг его сочинения (с. Гиерокла) разделены по темам

по определенному принципу <...> Шестая книга посвящена всем философам после Платона, начиная с самого Аристотеля и до Аммония Александрийского, наиболее знаменитыми учениками которого были Плотин и Ориген».

Фрагмент 6

Фотий. БИБЛИОТЕКА, кодекс 251, с. 461a32 слл. Bekker:

«А он [Аммоний Александрийский], первым начав радеть о подлинной философии и презрев мнения многих, лишь замаравшие философию позором, прекрасно познал вещи по отдельности и свел их к единому и тождественному себе уму. И передал свою согласованную философскую систему ученикам, а в первую очередь, благороднейшим из своих современников — Плотину и Оригену, [а через них] и их преемникам».

Фрагмент 7

Прокл. ПЛАТОНОВСКАЯ ТЕОЛОГИЯ, 2, 4, с. 89 сл. Портус (= т. II, с. 31, стрк. 4 слл. Saffry-Westerink):

«Итак, то, что единое — начало всех вещей и первая причина, и то, что прочие вещи — вторые после единого, я полагаю достаточно ясно показано [в предыдущем изложении]. Но я вот удивляюсь всем прочим комментаторам Платона, которые помещают мыслящее царство среди сущих вещей, а неизреченное превосходство единого и запредельное существование целостных вещей не упоминают. А кроме того, удивляюсь я Оригену, получившему то же образование, что и Плотин. А ведь он сводит к уму и первейшее бытие, а о едином, запредельном всякому уму и всякому существу, умалчивает. Мы должны сказать, что это не соответствует ни рассуждению Платона, ни реальному положению вещей, коль скоро первая причина выше всякого знания, всякого смысла и всякой интуиции».

Фрагмент 8

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 17с, 10 Е, с. 31, стрк. 18 слл. Diehl:

«А Лонгин и Ориген, [отталкиваясь] от разных начал, спорят друг с другом, о каком государстве Сократ рассуждает в этой речи, в большей степени о первом или о среднем. Ведь [они] считают,

что тамошнее государство, [т. е. государство вообще], живет физическим, военным и мыслящим образом. Так вот, Лонгин полагает, что здесь идет речь о среднем [государстве], потому что [Сократ] помощников называет стражами, и говорит, что стражи предназначены для войны. А Ориген, что о первом, ведь в нем Сократ передает стражам науки. Мы же и им скажем, что не следует разрывать единое государство и совместность жизни отделять от нее самой».

Фрагмент 9

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 19b, 19 В, с. 59, стрк. 10 слл. Diehl:

«Лонгин говорит, что в этих словах Платон изощряется, укрывая [свою] речь с помощью сравнений и изящества имен, указывая на некоторых платоников, которые говорят, что этот пример естественный, а не придуман философом с тайным умыслом: ведь подбор имен у Платона [тщательно] обдуманый и не случайно он выбирает каждое имя. А потому можно сказать, что с помощью общего и знакомого им примера [он] понял и его [с. Платона]; много ведь он приложил усилий и для составления [речи]: скорее [можно] сотворить космос, сведя воедино атомы Эпикура, чем ясную речь, [собрав] подходящие имена и выражения как попало; а некоторые считают, что Платон при таком употреблении имен пользуется метафорами, составлением же [речи] все восхищаются. Но, однако, можно осмысливать его пример не только [исходя] из составления [имен], но и из цели их [применения], которая указывается в этих словах; ведь Сократ не просто сказал, что он хочет, чтобы было сделано для него [спутниками] Тимея, но чтобы это было сделано каким-то изощренным и возвышающим душу образом: “живет же во мне, [оказавшемся] в таком состоянии страсть, как если бы кто, увидев прекрасное живое существо или нарисованное и т. д.”. Итак, это [говорит] Лонгин.

А Ориген соглашается, что Платон заботится об изяществе рисунка [речи], но не только стремясь к удовольствию, но ради соответствующего содержания с пафосом пользуется этим изображением...»

Фрагмент 10

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 19d, 20 C, с. 63, стрк. 24 слл. Diehl:

«Эта речь заставляет Лонгина и Оригена задаться проблемой, не включает ли он [Платон] и Гомера в [число] поэтов, когда говорит, что он имеет это мнение не только о нынешних — это вовсе не странно — но и о древних поэтах. [Разрешение этого вопроса вызывало такие затруднения], что, как говорит Порфирий, Ориген в течение целых трех дней постоянно кричал, краснел и обливался потом, говоря, что тема и порождаемое ею затруднение велики, из честолюбия стремясь доказать, что подражание, [сделанное] Гомером подходит для деяний согласных добродетели; ведь кто великогласней Гомера, который, представив и богов в мире и сражении, не ошибся в подражании, но, говоря возвышенным словом, удовлетворил природе [изображаемых] вещей».

Фрагмент 11

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 19e, 21 E, с. 68, стрк. 3 слл. Diehl:

«А Ориген считает тип изложения подлежащих речей документальным [=синграфическим], ведь такие обороты свойственны такому [типу], столь же, сколь и поэтическому. Мы же говорим, что Платон повсюду соответствующим подлежащим [темам речей] образом изменяет [форму] рассказа...»

Фрагмент 12

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 20d слл., 24 C слл., с. 76, стрк. 30 слл. Diehl:

«А другие возводили [решение вопроса о том, что выражается в этих словах,] к аналогии с противоположностью неких демонов, лучших и худших, одних — более сильных множеством, других — силой, и одних побеждающих, других — побежденных, как именно предполагал Ориген. А другие [возводили] к противостоянию душ — более хороших и вскормленных Афиной и других, генесигических, которые соответствуют богу-наблюдателю за рождением. Основатель же такого толкования — Нумений. А другие, смешивая, как они полагают, мнение Оригена и Нумения, говорят, что [здесь изображается] противоположность душ с демона-

ми, причем демоны являются нисходящими, а души — восходящими; у каковых толкователей демоны бывают трех родов: они говорят, что существует, [во-первых], род божественных демонов, [во-вторых, род демонов], который составляют [букв. наполняют] частные души, ставшие демонами по жребию, [в-третьих], другой [род демонов], дурной и вредоносный для душ. Итак, [вот эти-то] крайние демоны и развязали эту войну и [хотели обратить] души к нисхождению в рождение. И именно то, что, как говорят, древние теологи возводят к Осирису и Тифону или к Дионису и Титанам, это Платон относит к афинянам и атлантам по причине своего благочестия: прежде чем перейти к объемным телам, он указывает <противоположность> душ по отношению к материальным демонам, которые поселяются вместе с ними в Погружение, поскольку Погружение, как говорят египтяне, это место зловредных демонов. К этому мнению склоняется и философ Порфирий, заслуживающий восхищения, потому что и прочие, [столь же прекрасные вещи], он берет из Нумения».

Фрагмент 13

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 20e–21a, 26 C, с. 83, стрк. 19 слл. Diehl

«Лонгин испытывал затруднение, почему кушанье, [приготовленное] из этой речи, понадобилось Платону, ведь не для того, чтобы дать отдохнуть слушателям и не потому, что он нуждался в нем, чтобы закрепить в памяти [сказанное о государстве]. И он разрешает [этот вопрос], как ему кажется, говоря, что [Платон] предложил [выслушать] этот [рассказ] перед физиологией, подбодряя слушателей и сглаживая с помощью этого кушанья сухость предыдущего изложения. А Ориген говорил, что этот рассказ вымышлен (и по крайней мере в такой степени примыкая к последователям Нумения), однако вымышлен он был не для искусственно воспеваемого, согласно Лонгину, удовольствия, но причину вымысла [Ориген] не указывал. Мы уже часто говорили, что [все в диалоге] содействует общему рассмотрению природы...»

Фрагмент 14

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 20a, 27 B, с. 86, стрк. 19
слл. Diehl

«Лонгин в этих словах вновь подчеркивает, что Платон имеет в виду разнообразие и цветистость имен, сообщая одно и то же <то так>, то иначе: ведь даяние он назвал “древним”, речь — “давней”, а мужа — “немолодым”, одно и то же, стало быть, через все [эти имена] обозначая, будучи способен все выразить одинаковым образом. Итак, он — филолог, как, говорят, сказал о нем Плотин, а не философ. А Ориген не соглашается, что он стремиться к искусственно вызываемому удовольствию и каким-то изысканным выражениям, но [считает, что Платон всегда] имеет в виду естественную, без прикрас, привлекательность речи и точность в подражании, и, в частности, и этот вид изложения является естественным, так как соответствует предмету изучения. Правильно и Аристоксен-музыковед указал, что рассуждения философов доходят вплоть до звуков, объясняя установленность их во всех [вещах], также, я полагаю, как это великое небо в сочетании небесных фигур указывает ясные изображения сияния мыслей, движущиеся вместе с неявленными обращениями-периодами тех [вещей, которые они изображают]».

Фрагмент 15

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 21c, 29 B, с. 93, стрк. 7
слл. Diehl:

«А Ориген указывает на проблему: почему кто-то назвал Солона самым щедрым (ибо не подобает поэту такая похвала), а решает проблему, говоря, что либо он был так назван потому, что есть обыкновение называть щедрыми тех, кто щедр на слова, по аналогии со щедростью в деньгах, или потому, что он в высшей степени откровенен и оттого щедр, что не ведает никакого смущения в своей поэзии, но говорит с “неприкрытой откровенностью” [Федр, 240e], или потому, что он раскован и непринужден в поэзии».

Фрагмент 16

Прокл. КОММЕНТАРИИ НА «ТИМЕЙ» 24с, 50 В сл., с. 162, стрк. 11 слл. Diehl:

«А Ориген это гармоничное сочетание (*eukrasia*) связывает (*анерепрен*) с круговращением неба, так как именно от него зависит “урожай и неурожай душ”, как говорит в “Государстве” (VIII, 546с) Сократ»³.

Фрагмент 17

Немесий Эмесский. О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА, 13 (PG, XL, солл. 660 В):

«О способности помнить. *Mnemeutikon* есть источник памяти и воспоминания. Память, по определению Оригена, есть представление, оставленное каким-либо чувством, проявляющимся в деятельности, а по определению Платона — сохранение воспринятого и чувством, и мышлением. В самом деле, душа воспринимает чувственное через посредство органов внешних чувств и [таким образом] возникает мнение, а умопостигаемое — через посредство ума и образуется понятие. И таким образом, всякий раз как она сохраняет образы и того, о чем составила мнение, и того, что постигла мышлением, говорится, что она помнит. Но здесь Платон говорит, по-видимому, не о мышлении [созерцании] в собственном смысле, а о размышлении. Действительно, чувственное удерживается в памяти само по себе, а мыслимое — по ассоциации [с ним], так как память о том, что мыслится, возникает из предшествующего представления; собственно же умопостигаемое мы помним тогда, если что изучили или узнали; о сущности же этого памяти мы не имеем» (пер. Ф. С. Владимирского).

---

³ Этот фрагмент Оригена приведен Проклом в контексте историографии толкования платоновского пассажа из рассказа жреца Солону о Египте и Афинах: «Но весь этот порядок и строй богиня (Афина) еще раньше ввела у вас (т. е. у афинян), устроив ваше государство, а начала она с того, что отыскала для вашего рождения такое место, где под действием мягкого климата (*eukrasia ton horon*) вы рождались бы разумнейшими на Земле людьми». По этой цитате ясно, что Ориген трактовал *eukrasia ton horon* как точное исчисление небесного распорядка (что для Оригена, очевидно, было тождественно гороскопу) и видел здесь аллюзию на гипотетическую речь Муз из Государства (комм. К. О. Вебера).

Приведенные фрагменты показывают, что существует достаточное число свидетельств в пользу существования Оригена-платоника. Прокл, к которому принадлежит большая часть наших фрагментов, ссылается на Оригена как на одного из «своих», никак не оговаривая его христианских симпатий. Для Прокла, следовательно, Ориген был обычным платоником, принадлежавшим к поколению Плотина и Лонгина.

Однако давайте будем последовательны.

1. Фр. 1 показывает нам, что Ориген-платоник не принадлежал к числу авторов, оставивших большое количество сочинений. Помимо «О монахах» отметим упомянутую во фр. 2 книгу «О том, что царь есть единственный творец». Как это не похоже на Оригена-христианина, которому приписывают создание нескольких тысяч сочинений!

К тому же следует отметить платонический характер тем этих сочинений. «О монахах», вероятно, напоминал небезызвестный трактат Порфирия «О философии из оракулов». Название сочинения «О том, что царь есть единственный творец» указывает нам на чисто платоническую дискуссию по поводу загадочного места из «Писем» Платона, где говорится о трех царях сущего.

2. И еще по поводу фр. 1: утверждение Лонгина, что он провел немало времени с Аммонием и Оригеном, также должно указывать на 30-е годы III в. Если бы Лонгин имел в виду Оригена-христианина, то это общение должно было бы происходить до 231 г., а Лонгин был бы слишком молод для этого.

3. Фр. 2 может иметь решающее значение. Здесь говорится, что Ориген писал «при Галлиене», что должно означать время либо после второй половины 253 г. (время, когда к власти пришел император Валериан, отец Галлиена, который сделал своего сына соправителем), либо даже после 260 г., когда Валериан попал в плен к персам и Галлиен стал править один. В любом случае, согласно Евсевию Кесарийскому, Ориген-христианин умер в 253 г., но еще во время правления Галла, т.е. до Валериана и Галлиена. Так кто же был тот Ориген, который писал во времена Галлиена? Очевидно, другой Ориген, Ориген-платоник.

4. Согласно Порфириевой «Жизни Плотина», а также «Мирриобибиону» Фотия Плотин и Ориген были самыми знаменитыми учениками Аммония Саккаса. При этом они должны были хо-

рошо знать друг другу и, возможно, учиться у Аммония в одно и то же время: недаром они совместно дают клятву не разглашать доктрины своего учителя и столь трогательно встречаются во время визита Оригена в Рим.

Но если посмотреть на разницу в возрасте Оригена-христианина и Плотина, то станет ясно, что вместе у Аммония обучаться они не могли. Этот Ориген был на 19 лет старше Плотина, в 231 г. его изгнали из Египта и, насколько мы знаем, основным местом его деятельности стала Кесария Палестинская. Плотин же, как известно, лишь в 28 лет нашел своего учителя. Так как он родился в 204 г., то к Аммонию мог прийти не раньше 232 г. — и застать там совсем другого Оригена.

Создание мифа о том, что у Аммония учился один Ориген, произошло в то время, когда образы обоих Оригенов совместились.

5. Фр. 3 дает нам еще один аргумент в пользу «двух Оригенов». Плотин здесь утверждает, что Ориген уже знал, что он хотел сказать в своей лекции. Это предполагает, что Ориген должен был очень хорошо знать Плотина. Данное знакомство было бы странным, если бы касалось лишь христианина Оригена. Так как, по данным Порфирия, некий Ориген (мы утверждаем — Ориген-христианин) был слушателем Аммония, то это могло произойти лишь около 210–230 гг., когда Плотину было от 6 до 26 лет и он еще не решил посвятить себя философии. Кроме того, христианин Ориген, вероятно, имел столь же малый доступ в ближайший круг учеников, поэтому он едва ли приобрел от Аммония знания, равные с Плотиним. К тому же римское путешествие 60-летнего Оригена маловероятно. Ориген-христианин посетил Рим около 212 г. и позже прерывал свою деятельность в Кесарии поездками в Палестину, Кесарию в Каппадокии, Афины, и Аравию. Но то, что он второй раз побывал в Риме традиция не подтверждает.

То, что хотел сказать Плотин, скорее мог знать только тот, кто вместе с ним занимался философией, т. е. неоплатоник Ориген.

6. Согласно фр.1. Лонгин относил Оригена к платоникам, и Порфирий, приводящий цитату из Лонгига, не возражает ему. Между тем в своем сочинении «Против христиан», фрагменты из которого сохранил Евсевий, Порфирий резко упрекает христианина Оригена в том, что тот поменял греческую философию на

христианство. Отсюда можно сделать вывод, что Порфирий имел в виду двух разных лиц.

7. О содержании теологии Оригена мы можем судить только по фр. 2, 7, 12 и 17. Исходя из них мы видим, что Ориген-неоплатоник неортодоксально интерпретировал память, участвовал в известном нам по комментарию на «Тимей» споре о том, кого Платон подразумевал под афинянами и атлантами. Но, что самое главное для нас, он вполне определенно принадлежал к тем из платоников (например, Нумений), которые, сближая Платона и Аристотеля, воспринимали первоначально как древнейшее сущее, существенная сторона которого — мышление самого себя. Это же начало выступает создателем и властителем всего.

Здесь мы видим существенное различие с теологией Оригена-христианина. Последний значительно ближе к неоплатоническому триадизму. В отношении Первоначала Ориген-христианин крайне противоречив. С одной стороны, у него можно встретить определения Бога-Отца, которые почти один к одному повторяют знаменитые рассуждения из XII книги «Метафизики» (см., например, «О Началах» I.6). В этом случае Бог мыслится как нечто простое, бестелесное, мыслящее самое себя, или, говоря иными словами, как «разумный дух». С другой стороны, Ориген порой допускает, что по истине о Боге мы можем рассуждать лишь апофатически, как о том, что превосходит сущности (Комментарий на Евангелие от Иоанна). В таком случае второе лицо Троицы, Логос, у Оригена начинает играть демиургические функции и напоминает Ум в интерпретации Платона. Из сохранившихся же фрагментов Оригена-неоплатоника можно сделать вывод, что демиургической силой у него выступает само Начало. Следовательно, перед нами две различные теологии.

8. В процитированных фрагментах (особенно фр. 5 и 6) Ориген оказывается среди тех философов, которые не отрицали соответствия между Платоном и Аристотелем, и характеризуется как один из способнейших учеников школы Аммония. Аммоний, в свою очередь, наводил «метафизические мостки» между Платоном и Аристотелем.

Иначе действовал Христианин. В своем трактате «Против Цельса» (2,21) он называет перипатетиков в сомнительной компании с софистами и эпикурейцами «псевдомнящими» и резко напа-

дает в этом сочинении (3,75) на Аристотеля, который, по его мнению исповедовал неверное учение о Боге. Более того, после рассказа о вероломстве Иуды в качестве примера нарушения верности Ориген приводит отпадение Аристотеля от своего учителя после двадцатилетнего обучения в Академии (2,12) и не единожды критикует его учение о бессмертии души. Этот Ориген совсем не стремился посредничать между Платоном и Аристотелем, и подтверждает тем самым свое отличие от одноименного неоплатоника.

Подытоживая, можно предположить, что платонизм Оригена-христианина происходил совсем из иного источника, чем доктрина Оригена-платоника. Следует признать, что привлечение платонических идей было естественным явлением для времени, когда слова «философия» и «платонизм» стали синонимами. Нам нет необходимости предполагать ученичество Оригена-христианина у Аммония, тем более что мы обнаруживаем различия между теологиями Оригенов.

Р. В. Светлов

Приведенные фрагменты действительно ставят серьезные вопросы перед человеком, стремящимся отстоять традиционную точку зрения на число Оригенов. Тем не менее аргументы сторонников существования Оригена-платоника оставляют противникам этой точки зрения поле для маневра.

Хотелось бы начать с общего замечания: существования примерно в одно и то же время двух мыслителей, родившихся и проведших важную часть жизни в одном городе (Александрии), возможно обучавшихся у одного и того же учителя (Аммония), испытывавших влияние платонизма и перепутанных уже спустя столетие после смерти (из приведенных фрагментов видно, что по крайней мере христиане ко временам Евсевия уже должны были путать их), — все это кажется некоторым историческим нонсенсом, если не излишеством. К тому же ни один из авторов, писавших о человеке по имени Ориген, не утруждает себя указанием: «В это время жил еще другой Ориген...». По крайней мере от языческих авторов мы вправе это ожидать. Однако такого различия не производит ни Порфирий, ни, судя по всему, Гиерокл. А уж от Порфирия-то нам различия следовало бы ждать — если не от «Жизни Плотина», где Ориген появляется довольно факультативно, то уж от

«Правдивого слова» непременно: в обличающем сочинении апологет язычества не преминул бы противопоставить Оригену-ренегату подлинного платоника Оригена.

Постараемся тем не менее ответить на все выдвинутые уважаемым оппонентом возражения.

1. Действительно, Плотин упоминает лишь два сочинения «Оригена-платоника». Однако обратим внимание на приведенные выше фрагменты. Во фрагментах № 8–16 обсуждается с филологической, теологической и, если так можно сказать, исторической точек зрения вводная часть к «Тимею». Трудно поверить, что анализ Оригеном легендарной войны древних афинян с атлантами был центральным местом сочинения «О демонах»⁴, или «О том, что царь есть единственный творец». Однако Проклу почему-то запомнилось именно это место. Более вероятно, что он пользовался еще каким-то сочинением Оригена, название которого до нас не дошло.

Здесь могла сработать своеобразная неоплатоническая цензура. Мы знаем массу ее примеров: Плотин, Прокл, Дамаский не упоминают христиан и не вступают с ними в открытую полемику, хотя живут в христианское время. Вполне возможно, христианские сочинения Оригена, как «низкие», просто не были удостоены вниманием Порфирия.

Вообще фр. 8–16 с их филологическими изысками очень близки ученым интересам Оригена-христианина: вспомним хотя бы его сравнительное издание греческих переводов иудейского Писания.

2. Во фр. 1 Лонгин действительно противопоставляет Аммония и Оригена афинским платоникам, но из этого не следует, что Лонгин должен был одновременно слушать того и другого. Оригена он мог бы слушать и в Кесарии, и даже в Афинах, куда Ориген, как известно, приезжал после своего изгнания из Александрии.

3. Действительно, с хронологической точки зрения этот фрагмент решающий — если мы разберемся, о чем в нем все-таки идет речь. Итак, Ориген «При Галлиене» написал книгу «О том,

---

⁴ Правда, некоторые места сочинения «Оригена-христианина» «Против Цельса» представляют собой явную демонологию.

что царь есть единственный творец». При Галлиене, значит — никак не раньше 253 г. Далее же говорится следующее: «Но Плотин еще долго ничего не хотел записывать, а услышанное от Аммония вставлял лишь в устные беседы. Так он прожил целых десять лет: занятия вел, но ничего не писал». Вопрос в том, как понять эти «целых десять лет», откуда их отсчитывать. Если от того момента, когда Ориген написал книгу «О том, что царь есть единственный творец», то получается совершенная путаница. Мы знаем, что Порфирий приехал к Плотину в Рим в 263 г. Сообщая об этом, Порфирий говорит нам, что к моменту его приезда Плотин написал уже 21 книгу («Жизнь Плотина», 4). Но ведь в 263 г. ему только исполнилось десять лет с момента воцарения Галлиена! Значит, Плотин на самом деле не ограничивался устными лекциями, но и писал? Однако почему же чуть выше Порфирий говорит: «так он прожил целых десять лет...». Даже если попытаться исправить текст Порфирия и поменять Галлиена на Требониана Галла (правил в 251–253 гг.), все равно ничего не получается — слишком мало времени для написания 21 трактата. В итоге получается противоречие, странное для Порфирия и полностью дискредитирующее убедительность данного аргумента.

Впрочем, десять лет можно отсчитывать от момента смерти Аммония (вероятно, 243 г.), когда ученики последнего могли уговориться не разглашать в письменной форме его доктрины. Противоречие исчезает, но появляется новое — с другим текстом Порфирия — знаменитой цитатой из его «Правдивого Слова», которое приводит в «Церковной истории» Евсевий Кесарийский (VI.19):

«Этот нелепый метод заимствован у человека, с которым я часто встречался в юности, весьма известного в то время, известного и теперь своими сочинениями,— я разумею Оригена; слава его широко разошлась среди учителей этой [христианской] веры. Он был учеником Аммония, который в наше время преуспевал в философии; Аммоний ввел его в науку и многое ему дал, но в выборе жизненного пути Ориген свернул на дорогу, противоположную дороге учителя: пошел совсем по иному пути. Он был слушателем Аммония, величайшего философа нашего времени. Что касается его философских познаний, то он извлек великую пользу от общения с учителем, но в отношении жизненного направления — он вступил на противоположный путь. Аммоний, воспитанный как

христианин родителями-христианами, вновь обратился к законной религии государства, едва только он начал заниматься мышлением и философией. Ориген же, получивший как эллин образование посредством эллинской науки, склонился к иноземной моде. Предавшись ей, он испортился сам и испортил приобретенные познания. Жил он по-христиански и противозаконно. Он разделял эллинские воззрения на вещи и на Бога, но смешивал философию с чуждыми эллинам мифами. Он всегда занимался Платоном, как и сочинениями Нумения, Крония, Аполлофана и Лонгина, был доверчив к трудам Модерата, Никомаха и других знаменитых пифагорейцев и применял книги стоиков Херемона и Корнута, из которых он тем или иным образом узнал аллегорические толкования эллинских таинств, а затем применил к иудейским писаниям».

Порфирий рисует нам вполне ясный портрет, из которого мы можем сделать вывод, что Ориген действительно слушал Аммония, хотя был всего на десять лет младше того, и что он действительно овладел платоновской философией, исповедуя по поводу Бога и вещей вполне платоновские взгляды. Вызывает решительное возражение Порфирия лишь то, что он пытался примирить философию Платона со своей верой и со своим христианским образом жизни (вспомним, что для эллина философия и была образом жизни — Ориген же, получается, не следовал этому принципу).

Более того, родившийся в 233 г. Порфирий знал Оригена и общался с ним, а потому пишет о нем с такой уверенностью. Нет сомнений, что он имеет в виду того же Оригена, которого упоминает, когда говорит о его визите к Плотину.

4. Изгнание Оригена из Александрии в 231 г. и приход к Амонию Плотина в 232 г. не означают, что эти философы не могли встретиться друг с другом. Сохранилось свидетельство об анафемствовании Оригена александрийским епископатом в 30-е годы III в. Это анафемствование, подтверждавшее изгнание Оригена, вполне могло быть вызвано визитом нашего героя в свой родной город. Мы знаем, что Ориген неоднократно выезжал из Кесарии Палестинской, побывав в Афинах, Аравии, Каппадокии. В те времена, когда церковные власти не были сращены со светскими, ничто не мешало Оригену приехать в Александрию для того, ска-

жем, чтобы повидать учителя — и оказаться на лекции одного из его учеников.

5. Этот аргумент покрывается предшествующими. Добавить к этому можно следующее: для подобной реакции Плотина вовсе не необходимо тесное знакомство его с Оригеном. Если Ориген учился раньше Плотина и уже сложился как значительный платоник, то реакция Плотина на визит старшего товарища была вполне понятной. Из сказанного нами выше ясно, что событие, изображенное во фр. 3, могло произойти в Александрии. Однако не следует отрицать и возможности визита Оригена в Рим — но не накануне гонений Деция и смерти, а, скажем, в середине 40-х годов.

Здесь же скажем о договоренности трех учеников Аммония не разглашать учения своего наставника. Речь явно шла о неразглашении в письменной форме — и эта клятва вполне согласуется с представлениями о письменной речи, которые известны в платонизме со времен платоновского «Федра». Говорить о том, что Ориген-христианин не был посвящен в некоторые стороны учения Аммония, будет неверно: знакомство с сохранившимися сочинениями Оригена показывает, что он прекрасно ориентировался в «эзотерических» концепциях современной ему языческой философии. К тому же мы знаем, что в кружок Плотина приходили и гностики, и христиане: несмотря на цензуру, упомянутую нами выше, неоплатонические кружки не были закрытыми организациями, — по крайней мере, до последнего столетия их существования.

Что же касается распространенной в то время моды на утаивание некоторых учений, то она была распространена и в христианской среде и базировалась на апофатической программе богопознания. Поскольку Первоначало непостижимо рациональным образом, необходимы некоторые практики, кои не могут быть достоянием всех. С этой точки зрения мы можем встретить фразы о сокрытии неких доктрин и у Климента Александрийского, и у Оригена.

6. На этот аргумент можно возразить следующим образом: и у Евсевия Ориген-христианин разделяет «эллинские воззрения на вещи и на Бога», т. е. выступает платоником. Порфирий здесь обвиняет Оригена в том, что он привнес платонизм в чуждое эллинам учение и стал использовать платоническую аллегорезу по от-

ношению к иудейским и христианским Писаниям. Таким образом, в «Жизни Плотина» и в «Правдивом слове» речь идет об одном и том же человеке.

7. На наш взгляд, метафизическая доктрина Оригена-платоника не отличается от доктрины Оригена-христианина. «Трансцендентизм» отдельных пассажей сохранившихся христианских текстов Оригена довольно условен и вполне соответствует традиции христианской апофатики, имевшей гносеологический характер. По сути же фр. 7 нам говорит о Первоначале как о мыслящем и сущем, к тому же включающем в себя умопостигаемое бытие. Данная доктрина вполне совпадает с учением Оригена о Боге-Отце и напоминает концепцию Нумения о Боге-Монаде. Мы не случайно упомянули Нумения: под его влиянием находилось большинство платоников периода, предшествующего расцвету неоплатонизма. На наш взгляд, без этого влияния не обошлось и в случае Аммония, а также его учеников. Даже Плотин — в своих ранних трактатах — близок к некоторым доктринам Нумения; Порфирий же, как известно, до своего приезда в Рим полагал, что Плотин всего лишь излагает Нумения. Только к середине 50-х годов философия Плотина приобретает самостоятельный характер. Еще более значительное влияние Нумения (или типа истолкования Первоначала, который был в наибольшей степени представлен у Нумения) испытал Ориген, что доказывает фр. 7. Вообще нужно сказать, что Нумениева интерпретация Первоначала была созвучна раннему христианскому богословию, а сам Нумений пользовался у Оригена авторитетом.

8. И неоплатонизм, и раннее христианское богословие — это сплав платонизма и аристотелизма. Неоплатоники используют массу аристотелевских доктрин, не упуская при этом возможности упрекнуть «демонического» Аристотеля за отступление от теологии Платона. С этой точки зрения, «Ориген-христианин» действует вполне в духе времени: критикуя Аристотеля за предательство, он тем не менее приводит вполне перипатетические характеристики Первоначала. Никакого противоречия с гипотетическим «Оригеном-платоником» нет.

Перечисленные пункты вынуждают нас остаться на традиционной точке зрения, согласно которой существовал лишь один Ориген. Если бы «Ориген-неоплатоник» был, в отличие от «Ори-

гена-христианина», тем самым знаменитым учеником Аммония, которого ставили даже наравне с Плотиним, то остается лишь удивляться тому, насколько малое значение он имел для последующего неоплатонизма. 17 фрагментов — это ничтожно мало и ставит его наравне с многими средними платониками. Не лучше ли не «умножать сущности», а согласиться с тем, что один и тот же Ориген, знаменитый ученик Аммония, был христианским богословом, мыслящим на платоническом языке, а потому отмеченным в позднеантичной неоплатонической традиции как «свой» — хотя бы в некоторых пунктах.

Античность вообще представляет нам массу примеров мыслителей, которых очень трудно оценить однозначно. Достаточно вспомнить Сократа, от которого ведут происхождение несколько разноречивых философских школ. Мы привыкли истолковывать Сократа в духе этического рационализма традиции Платона и Ксенофонта. Однако, быть может, учение Сократа было ближе к учению киников? Или киренаиков? Или мегариков? А что, если Сократ на самом деле был софистом, причем весьма неприглядным — если доверять Аристофану и Аристоксену? Несмотря на разноречие источников, мы же не говорим о том, что в V в. в Афинах жило несколько философов по имени Сократ. Подобную осторожность, на наш взгляд, нужно соблюдать и в отношении Оригена.